

ЗАРУБЕЖНАЯ КЛАССИКА

ХАРЧЕВНЯ ДВУХ ВЕДЬМ

*Лучшие
мистические
истории*

Москва

2017

УДК 82-822
ББК 84(0)я43
Х22

Оформление серии *Е. Соколовой*

Оформление переплета *Н. Ярусовой*

В оформлении переплета использованы репродукции работ
художника *Джона Уильяма Уотерхауса*

Харчевня двух ведьм. Лучшие мистические истории :
Х22 [переводы]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 672 с. —
(Зарубежная классика).

ISBN 978-5-699-92043-3

В книге собраны лучшие мистические, таинственные и жуткие истории, созданные западноевропейскими и американскими писателями XVIII–XX веков. О призраках, вампирах, ведьмах, оживающих мертвецах, губительных статуях и манекенах, о кошмарных сновидениях и потусторонних пророчествах, о сделках с дьяволом и любви, не подвластной смерти, повествуют как знаменитые авторы (Э. Т. А. Гофман, В. Ирвинг, Н. Готорн, П. Мериме, Г. Мелвилл, Ч. Диккенс, Р. Л. Стивенсон, Г. Майринк, Г. Ф. Лавкрафт), так и сравнительно малоизвестные творцы страшных сюжетов (И. К. А. Музеус, Э. Норткот, Дж. Х. Нисбет и др.). Перекликаясь друг с другом персонажами, ситуациями и смыслами, готические сюжеты книги открывают читателю за покровом обыденной реальности иррациональный и страшный мир, опрокидывающий самоуверенные претензии на всезнание, свойственные человеку Нового времени.

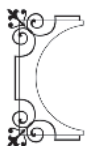
УДК 82-822

ББК 84(0)я43

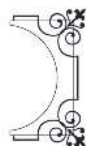
© Антонов С., перевод, 2017
© Брилова Л., перевод, 2017
© Сухарев С., перевод, 2017
© Крюков В., перевод, 2017
© Дорогокупля В., перевод, 2017
© Роговская Н., перевод, 2017
© Клепцына Г., перевод, 2017
© Титова Е., перевод, 2017
© Куренная М., перевод, 2017
© Ванханен Н., перевод, 2017

© Кротовская Н., перевод, 2017
© Шик С., перевод, 2017
© Лохова Н., перевод, 2017
© Полищук В., перевод, 2017
© Метальников В., перевод. Наследники, 2017
© Смирнов А., перевод. Наследники, 2017
© Бобович А., перевод. Наследники, 2017
© Гунст Е., перевод. Наследники, 2017
© Дарузес Н., перевод. Наследники, 2017
© Полякова С., перевод. Наследники, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-92043-3

Уильям Уилки Коллинз
(1824–1889)

ЖЕНЩИНА ИЗ СНА

1

Однажды (я к тому времени практиковал в провинции чуть более полугода) за мной прислали из соседнего города: тамошнему врачу потребовалась моя консультация по поводу пациента, страдавшего весьма опасной болезнью.

После долгой ночной скачки моя лошадь упала. Животное получило серьезную травму, я, к счастью, не очень. Пришлось добираться до места назначения в почтовой карете: железных дорог в то время еще не было. Обратно я рассчитывал вернуться к полудню тем же способом.

После консультации я отправился в главную городскую гостиницу — ждать прибытия почтовой кареты. Когда она подкатила к гостинице, оказалось, что все места — и внутри, и снаружи — заняты. Мне не оставалось ничего другого, как попытаться нанять — сколь возможно дешево — кабриолет. Но плату запросили такую, что у меня глаза на лоб полезли, и я решил поискать гостиницу поскромней в надежде совершить там более выгодную сделку.

Вскоре мне подвернулось то, что я искал: обшарпанный тихий дом со старомодной вывеской. В последний

раз его красили, судя по всему, в незапамятные времена. Владелец оказался не прочь слегка заработать и, оговорив со мной условия, позвонил в колокольчик, чтобы отрядить экипаж.

— Роберт еще не вернулся? — спросил хозяин явившегося на зов слугу.

— Нет, сэр.

— Тогда разбуди Айзека.

— Разбудить? — вмешался я. — В это время дня? Неужели у вас кучеры такие лежебоки?

— Не все, а только один, — промолвил хозяин гостиницы со странной улыбкой.

— Спит и вдобавок видит сны, — подхватил слуга.

— Не важно, пойд и разбуди его. Джентльмену нужен кабриолет.

Слова владельца гостиницы и слуги вроде бы не заключали в себе ничего интригующего, но слышали бы вы, каким тоном они были произнесены! Заподозрив, что мне, как представителю медицинской науки, не мешало бы проявить к этому случаю интерес, я решил взглянуть на кучера до того, как слуга его разбудит.

— Подожди-ка минутку, — остановил я слугу. — Мне хочется бросить взгляд на этого человека, пока он спит. Я доктор и, если его дневная сонливость связана с какими-либо мозговыми нарушениями, смогу дать медицинский совет.

— Сдается мне, что его болезнь не по врачебной части, сэр, — заметил хозяин. — Но если хотите, можете на него взглянуть.

Он проводил меня через двор и далее к конюшням, открыл одну из дверей и, сам оставаясь снаружи, предложил мне войти.

Внутри я увидел два стойла. В одном жевала овес лошадь. В другом на соломенной подстилке растянулся спящий старик.

Я пристально всмотрелся в него. Передо мной было иссохшее лицо человека, много повидавшего на своем веку. Насупленные брови, жесткий рот с опущенными уголками, ввалившиеся морщинистые щеки, редкие седые волосы — все говорило о былых невзгодах.

Дышал он судорожно; еще через мгновение он заговорил во сне.

Это был лихорадочный шепот через сжатые губы:

— Караул! Убивают!

Исхудавшей рукой он прикрыл горло, потом задрожал и перевернулся на бок. Вытянул руку и стал шарить по соломенной подстилке, как будто пытаюсь за что-то ухватиться. Заметив, что губы у него дергаются, я склонился ниже. Он продолжал говорить.

— Глаза светло-серые, — бормотал он, — левое веко слегка опущено, волосы льняные с золотыми прядками — да, мама, — красивые белые руки с пушком — ладонь как у знатной дамы, маленькая, а кончики пальцев розовые. И нож, вечно этот проклятый нож, сперва с одной стороны, потом с другой. Ах ты, чертовка, где твой нож?

Голос зазвучал громче, спящий задрожал, его иссохшее лицо исказила судорога. Со всхлипом вздохнув, он вскинул руки. При этом кучер задел ясли, под которыми лежал, и от удара пробудился. Прежде чем он открыл глаза, я успел выскользнуть из конюшни и закрыть за собой дверь.

— Вам что-нибудь известно о его прежней жизни? — спросил я хозяина гостиницы.

— Да почти все, сэр, — ответил он. — Странная это история, многие не верят. Но это чистая правда. Да вы посмотрите на него. — Владелец гостиницы снова открыл дверь конюшни. — Бедняга! Ночь так вымотала его, что он уже опять заснул.

— Не будите его, мне не к спеху. Подожду, пока вернется другой кучер. А тем временем я бы хотел, чтобы

мне подали ланч и бутылочку хереса и чтобы вы ко мне присоединились.

Как я и предполагал, вино вскоре размягчило душу хозяина, и он с охотой стал отвечать на мои вопросы о человеке, спавшем на конюшне. Потихоньку я вытянул из него всю историю. События эти покажутся невероятными, но мой рассказ верно воспроизводит то, что я слышал от хозяина гостиницы, и — могу поручиться — соответствует истине.

2

Несколько лет назад жил на окраине одного большого портового города на западе Англии небогатый человек по имени Айзек Скэтчард. Он был кучером и существовал на случайные заработки, а временами ему удавалось устраиваться подручным на конюшни в частные дома. Фортуна никак не желала повернуться лицом к этому честнейшему и степеннейшему человеку. Его невезение стало у соседей притчей во языцех. Злосчастные случайности неизменно лишали его заработка. Дольше всего он оставался на службе у людей любезных, но не имевших привычки вовремя платить слугам жалованье. «Невезучий Айзек» — такое прозвище дали ему соседи, и упрекать их за это не приходится.

Да, на долю Айзека выпало куда больше незадач, чем полагается обыкновенному смертному, но ему было даровано одно утешение — и то, правда, очень невеселого свойства. Жена и дети умножили бы бремя его забот и усугубили горечь жизненных поражений — так вот, ни жены, ни детей у Айзека Скэтчарда не было. То ли сухость и бесчувственность, то ли благородное нежелание навязывать свое несчастье другим удерживали его от женитьбы, хотя он успел уже достичь средних лет. Более того, тридцативосьмилетнего Айзека, как в свое время

восемнадцатилетнего, молва ни разу не обвинила в том, что он завел себе сердечную привязанность.

Когда Айзек не состоял на службе, он жил вместе со своей матерью, вдовой. Миссис Скэтчард была женщиной, чьи манеры, ум и прочие достоинства выделяли ее среди низкого окружения. Она, как говорится, знавала лучшие дни, но никогда не упоминала об этом в присутствии любопытных. Неизменно любезная со всеми, она, однако, ни с кем из соседей близко не сошлась. Чтобы заработать себе на хлеб, ей приходилось выполнять для портных грубую шитейную работу. При этом она умудрялась содержать в порядке дом, и ее сыну, когда он в очередной раз оказывался на улице, там всегда была открыта дверь.

Однажды блеклой осенью (Айзеку было уже под сорок) наш герой, оставшийся — как обычно, не по своей вине — без места и живший в домике своей матери, должен был отправиться пешком в дальний путь. В усадьбе одного джентльмена, как ему сказали, требовался подручный на конюшне.

Через два дня Айзеку исполнялось сорок, и миссис Скэтчард, неизменно ласковая и заботливая мать, взяла с сына обещание вовремя вернуться домой, где его ожидало празднество настолько роскошное, насколько позволяли их скромные средства. Выполнить обещанное ему было проще простого, даже если бы пришлось дважды заночевать в дороге: и на пути туда, и на пути обратно.

Айзек собирался выйти из дома в понедельник утром, а в среду в два часа, вне зависимости от того, получит он место или нет, вернуться к праздничному столу.

В понедельник вечером, когда Айзек прибыл к месту назначения, было уже слишком поздно, чтобы являться в усадьбу и предлагать свои услуги. Пришлось ему заночевать в деревенской гостинице, а уж во вторник, с утра

пораньше, заявить свои претензии на место подручного конюха. Но и тут, как всегда и повсюду, невезение осталось при нем. Блестящие рекомендации оказались бесполезными, долгий путь — напрасным: всего лишь днем раньше на работу наняли кого-то другого.

Новое разочарование Айзек принял со своей всегдашней покорностью судьбе. Как и положено тугодуму и флегматику, он был терпелив и не склонен к вспышкам чувств. Скэтчард спокойно и вежливо поблагодарил управляющего, удостоившего его беседы, ни взглядом, ни жестом не дав понять, что огорчен.

Прежде чем отправиться домой, бедолага навел в гостинице справки и узнал, что можно срезать путь и выиграть несколько миль. Получив исчерпывающие указания, где и куда сворачивать, и затвердив их после многократных повторений наизусть, Айзек пустился в обратную дорогу и шел весь день почти безостановочно, с одним лишь привалом, чтобы подкрепиться хлебом и сыром. Когда солнце стало клониться к закату, хлынул дождь и поднялся ветер. В довершение неприятностей наш герой находился теперь в совершенно незнакомой местности. Ему было известно только, что до дома оставалось еще миль пятнадцать. Решив, что пора справиться о дальнейшем маршруте, он сразу же наткнулся на придорожную гостиницу, одиноко стоявшую на лесной опушке. Зрелище это мог бы счесть унылым кто угодно, но не усталый и промокший путешественник, к тому же томимый голодом и жаждой. Хозяин гостиницы разговаривал любезно и вид имел располагающий; цена за ночлег оказалась вполне приемлемой. И вот Айзек решил расположиться на ночь со всеми удобствами в гостинице.

Скэтчард был по природе человек умеренный. На ужин он удовольствовался двумя ломтиками бекона, куском домашнего хлеба и пинтой эля. После скромной трапезы он не удалился немедленно на покой, а потолко-

вал с хозяином гостиницы о своем плачевном положении и вечных неудачах, потом речь зашла о конине и скачках. За все это время ни он сам, ни хозяин гостиницы, ни забредавшие в комнату рабочие не сказали ничего, что могло бы возбудить скудное и неповоротливое воображение Айзека.

В начале двенадцатого хозяин запер все засовы. Айзек сам обошел вместе с ним дом, держа свечу, пока хозяин запирает окна нижнего этажа и двери, и с удивлением заметил, как прочны болты, засовы и обшитые железом ставни.

— Гостиница наша, как видите, на отшибе, — пояснил хозяин. — До сих пор никто не пытался взломать двери, но береженого бог бережет. Когда нет постояльцев, я единственный мужчина в доме. Мои жена и дочь женщины боязливые, а служанка во всем подражает госпожам. Еще стакан эля на сон грядущий? Нет? И почему только такой трезвенник мается без места, никак не возьму в толк. Ну ладно, вот ваша постель. Вы у нас сегодня единственный постоялец, поэтому — убедитесь сами — жена расстаралась вовсю, чтобы вам было удобно. Так вы в самом деле не будете больше пить? Ну что ж, доброй ночи.

Разговор этот происходил наверху, в спальне, окно которой выходило в сторону леса. Часы в коридоре показывали половину двенадцатого ночи.

Оставшись один, Айзек запер дверь, водрузил свечу на комод и не спеша разделся. На улице все так же задувал пронзительный осенний ветер, и из леса, нарушая ночное безмолвие, доносились его леденящие душу стоны. Как ни странно, Айзека нисколько не клонило ко сну. Улегшись в постель, он решил задуть свечу, только когда начнет клевать носом. Он и думать не хотел о том, чтобы лежать в постели без сна в полной темноте и слушать бесконечные унылые завывания непогоды.

Сон подкрался к Скэтчарду незаметно. О свече он и не вспомнил, так быстро сомкнулись его веки.

Во сне наш герой внезапно ощутил непонятную дрожь во всем теле и острую боль в сердце, прежде ему неизвестную. Дрожь не спугнула его сон, но от боли он тут же пробудился. Сна не было и в помине, и Айзек широко раскрыл глаза: насторожившись, он приготовился к чему угодно. Все произошло столь молниеносно, что походило на чудо. Свеча догорела почти до конца, но с фитиля спал нагар, и в яркой короткой вспышке вся комната оказалась на виду, как днем.

Между изножьем кровати и закрытой дверью стояла, глядя на него, женщина с ножом в руке.

От ужаса Айзек потерял дар речи, но необычная ясность восприятия осталась при нем; он не сводил с женщины глаз. Они молча смотрели друг другу в лицо, а потом женщина начала неторопливо приближаться к левому краю постели.

Айзек разглядел, что она красива, волосы у нее цвета соломы, глаза светло-серые, левое веко слегка опущено. Он успел это заметить и удержать в памяти до того, как женщина подошла к кровати вплотную. Незнакомка ступала молча, бесшумно, с недрогнувшим лицом, потом остановилась и медленно подняла нож. Айзек прикрыл правой рукой горло, но, проследив движение ножа, выбросил руку в сторону и резко дернулся следом. Нож вонзился в матрац в дюйме от плеча бедняги.

Пока знакомка не спеша вынимала нож, Скэтчард разглядел ее руку. Она была красивая, с нежным пушком на белой коже. Ладонь маленькая, как у знатной леди, кончики пальцев — под ногтями и вокруг — изысканно розовели.

Женщина высвободила нож и, по-прежнему неторопливо, отошла к изножью кровати. Там она мгновение помедлила, не сводя глаз с Айзека, а затем крадучись, все

так же молча, с каменным лицом, подошла к правому краю кровати, где лежала ее жертва.

Вновь незнакомка занесла нож: Айзек отдернулся, теперь уже влево, и удар опять пришелся в матрац. На этот раз Айзек обратил внимание на нож. Такими большими складными ножами обычно режут хлеб и бекон работяги. Тоненькие пальцы женщины охватывали не всю рукоятку — приблизительно треть оставалась на виду. Рукоятка, на вид новая, сделанная из оленьего рога, была вычищена и сверкала, так же как и лезвие.

Женщина вторично выдернула нож, спрятала его в широкий рукав платья и задержалась у постели, наблюдая. В следующий миг в огарке опал фитиль, пламя сжалось в голубую точку, и комната погрузилась во мрак.

Свеча тускло вспыхнула в последний раз. Взгляд Айзека был по-прежнему устремлен вправо, туда, где только что стояла женщина, но теперь там было пусто. Красавица с ножом исчезла.

Оставшись один, Айзек почувствовал, что ужас, сковавший ему язык, ослабил свою хватку. Вместе с испугом исчезла и вызванная им обостренность чувств. В мозгу Айзека все смешалось, сердце отчаянно колотилось, а до слуха его, впервые после появления таинственной незнакомки, донеслись горестные завывания ветра в верхушках деревьев. Не сомневаясь в том, что происшедшее ему не привиделось, Скэтчард выпрыгнул из постели и с криком «Караул! Убивают!» — ринулся к двери.

Точно так же, как и вечером, когда он ложился спать, дверь оказалась запертой.

Крики Айзека всполошили весь дом. Послышались испуганные, бессвязные женские голоса; в коридоре Айзек обнаружил хозяина, бежавшего ему навстречу со свечой в одной руке и ружьем в другой.

— Что стряслось? — выдохнул он.

Неспособный заговорить в полный голос, Айзек прошептал:

— Женщина, с ножом в руке. В моей комнате — красивая женщина с желтыми волосами. Она дважды пыталась ударить меня ножом.

Хозяин гостиницы побледнел. Он пристально оглядел Айзека в мерцающем свете свечи. Потом на щеки его вернулся румянец, а голос обрел прежнюю звучность:

— И оба раза промахнулась, как видно.

— Я каждый раз увертывался, — объяснил постоялец тем же испуганным шепотом, — удары приходились в постель.

Хозяин поспешил в спальню. Не прошло и минуты, как он, страшно разозленный, вернулся.

— Черт бы вас побрал с вашей женщиной и ее ножом! Постель цела. Чего ради являетесь сюда и пугаете до полусмерти весь дом своими снами?

— Я здесь не останусь, — проговорил Айзек слабым голосом. — На дороге, в темноте и под дождем, и то лучше, чем в этой комнате, после того, что я там увидел. Дайте мне свечу, чтобы я мог собрать одежду, и скажите, сколько вам заплатить.

— Заплатить! — проворчал хозяин, с хмурым видом сопровождая его в спальню. — Ваш счет будет на грифельной доске, когда вы сойдете вниз. Знай я раньше ваши повадки, ни за какие деньги вас бы не впустил. Посмотрите на постель! Где здесь дырки от ножа? И на окно: засов взломан, как по-вашему? А дверь — я ведь слышал, вы запирались перед сном, — цела она или нет? Убийца с ножом, в моем-то доме! Постыдились бы!

Скэтчард, ничего не отвечая, наспех оделся, и они вместе спустились по лестнице.

— Почти двадцать минут третьего, — снова заговорил хозяин, когда они проходили мимо часов. — Самое время стращать честных людей!

Айзек уплатил по счету, и владелец гостиницы, отпирая тяжелый засов, чтобы выпустить его на улицу, с издевательской улыбкой спросил, не через эту ли дверь забралась в дверь убийца.

Расстались они молча. Дождь прекратился, но мгла царила беспросветная, а ветер сделался еще пронзительней. Но ни тьма, ни холод, ни опасность заблудиться Айзека не страшили. Ему легче было брести в бурю через чащобу, чем оставаться в гостинице, после того что он там пережил.

Кем была та красивая женщина с ножом? Откуда она явилась — из страны снов или из другого, неведомого мира, что зовется миром духов? На эти вопросы он не нашел ответа ни тогда, ни позже, в среду в полдень, стоя наконец перед крыльцом родного дома после многочасовых блужданий в поисках дороги.

3

Заждавшаяся мать встречала его на пороге. По лицу сына она тут же поняла, что с ним не все благополучно.

— Места я не получил, но так уж мне на роду написано. Я этой ночью видел дурной сон, матушка, а может быть, то было привидение. Так или иначе, я до сих пор не нахожу себе места от испуга.

— Айзек! На тебя страшно смотреть. Входи же, садись к огню и Расскажи матери все от начала до конца.

Если матери не терпелось услышать рассказ, то Айзек жаждал поскорее его начать, ведь по дороге он все время утешал себя надеждой, что мать, превосходившая его живостью ума и обширностью познаний, сумеет пролить свет на загадку, которая оказалась не по зубам ему самому. Мысли его путались, но таинственный сон запечатлелся в памяти четко.